

ПРОБЛЕМА ДОИСТОРИЧЕСКОГО:
«ИСКОПАЕМАЯ МАТЕРИЯ» (К. МЕЙЯСУ)
И «ПРИРОДА, СУЩЕСТВУЮЩАЯ ДО ЧЕЛОВЕКА» (В.И. ЛЕНИН)

Аннотация. В статье рассматривается спекулятивный реализм, или спекулятивный материализм, как называет свои взгляды Квентин Мейясу – один из философов, работы которых сформировали это новое направление. Можно видеть сходство между критикой Мейясу корреляционизма в *Apres la finitude* и критикой Лениным принципиальной координации в «Материализме и эмпириокритицизме». Легко видеть, что общим основанием мысли Мейясу и Ленина является проблема природы, существующей до человека.

Ключевые слова: материализм, идеализм, фидеизм, корреляционизм, координация, идеализм, солипсизм.

Не так давно возникло новое направление в философии – спекулятивный реализм, или спекулятивный материализм, как называет свои взгляды сам Квентин Мейясу – один из философов, работы которых сформировали это направление философской мысли.

В работе «После конечности: эссе о необходимости контингентности», как пишет британский философ Рэй Брасье, наряду с Квентином Мейясу один из докладчиков на семинаре 2007 г. в лондонском колледже Голдсмита, положившем начало «спекулятивному реализму», «необходимо отметить поразительное сходство между атакой Мейясу на корреляционистский фидеизм в *Apres la finitude* и критикой Лениным клерикального идеализма в работе “Материализм и эмпириокритицизм” (1908, tr. A. Fineberg, Peking: Foreign Languages Press, 1972); особенно в Главе 1, разделы 2 и 3, где Ленин разност “коррелятивистскую” теорию субъекта и объекта, которую он прямо объединяет с “фидеизмом”... Хотя он и не упоминает его, ленинский трактат вполне мог быть источником вдохновения для книги Мейясу. То, что “коррелятивизм”, подвергнутый разгромной критике Лениным в 1908 г., пребывает в полной силе и спустя сто лет, является как свидетельством сохраняющейся актуальности вмешательства Ленина, так и гнетущим напоминанием о господствующем направлении в академической философии – на вид невозмутимом идеализме» [5, с. 246].

Представляется очень важным, что В.И. Ленин предстает здесь как самый актуальный философ. В связи с этим кажется любопытным проследить, что же общего содержится в работах Мейясу и Ленина и, в частности, какое место в их построениях занимает доисторическое.

И Ленин, и Мейясу выступают против идеализма, а именно против одной из его форм – корреляционизма, раскрывают сводимость корреляционизма к субъективному идеализму и в итоге фидеизму. И Ленин, и Мейясу показывают, в частности, что никакой корреляционизм не выдерживает испытания рассмотрением вопроса об «архископаемом» – Мейясу или «природе, существующей до человека» – Ленин.

Мейясу пишет: «Под “корреляцией” мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Мы будем называть “корреляционизмом” любое направление мысли, которое утверждает непреодолимый характер корреляции, понятой таким образом» [4, с. 11].

Ленин говорит о теории «принципиальной координации» Авенариуса и махистов, которая выражается в том, что «связь физических и психических элементов объявляется не существующей отдельно одна от другой; они существуют лишь вместе» [2, с. 219]. Ленин называет теорию принципиальной координации смешением наивного материализма и идеализма. Нетрудно заметить, что принципиальная координация – это один из видов корреляционизма.

И Ленин, и Мейясу обращают внимание на сходство между субъективным идеализмом в том виде, как он представлен у Беркли, и корреляционизмом, правда, Ленин посвящает анализу взглядов Беркли значительно больше места.

После разбора оснований корреляционизма оба автора ставят вопрос о природе, существующей до человека (Ленин), или, как у Мейясу, об «архископаемом», ибо, по их мнению, этот вопрос нельзя разрешить в рамках корреляционизма.

Первая глава «После конечности» так и называется – «Доисторическое», что соответствует, названию четвертого раздела первой главы «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина – «Существовала ли природа до человека?»

Мейясу утверждает, что необходимо вернуться, как он пишет, «реабилитировать» теорию первичных и вторичных качеств. Это необходимо ему, чтобы отделить качества первичные – математизируемые – от вторичных, которые субъективны и являют собой чистое отношение. Тем самым он выдвигает материалистический тезис о том, что существуют качества объекта, не зависящие от ощущений субъекта, признаком которых является их математизируемость.

Мейясу также выдвигает банальный с точки зрения материализма (диалектического) тезис: «...мышление может отличить свойства мира, зависящие от нашего отношения к миру, от свойств мира «в-себе», продолжающих существовать безотносительно отношения, в которое мы с ним вступаем» [4, с. 9].

Это тезис, как говорит, Мейясу решительно докритический, и его невозможно отстаивать после Канта и даже после Беркли. «Его нельзя подерживать, потому что мышление не может выйти за свои пределы», чтобы сравнить мир «в себе» с миром «для нас» [4, с. 9]. Отмечает Мейясу и роль Беркли в дисквалификации наивного реализма (материализма), причем его взгляды Мейясу обозначает как субъективный идеализм [4, с. 10]. «Поскольку, как только мы мыслим некое свойство мира “в себе”, мы все же мыслим его» [4, с. 10]. Таким образом, Мейясу, как и Ленин, усматривает в Беркли родоначальника идеи о корреляции.

Мейясу проводит различие между двумя типами субъективной репрезентации – универсализуемыми и индивидуальными. Универсализируемые представляют собой консенсус сообщества (интерсубъективность), который призван «заменить собой соответствие между индивидуальной репрезентацией субъекта и самой вещью в качестве подлинного критерия объективности и, в частности, научной объективности. «Научной истиной теперь является не то, что сообразуется с “в-себе”, предположительно безразличным к своей данности, а то, что может быть дано всему научному сообществу» [4, с. 11]. Мейясу утверждает, что после Канта центральным в современной философии стало понятие «корреляция».

Далее он раскрывает движение мысли, которое обосновывает корреляционизм. «Назовем “корреляционистским кругом” аргумент, согласно которому невозможно помыслить “в себе”, не впадая в порочный круг, в противоречие самому себе, и назовем “корреляционистской двухходовкой” [pas de danse] другую фигуру рассуждения, столь излюбленную философами и часто встречающуюся в современных трудах, в соответствии с которой “было бы наивно мыслить субъект и объект как две разных сущности [deux étants], которые имеют самостоятельное существование и каждая из которых дополняется отношением к другой. Наоборот, отношение, в некотором роде, первично: у мира есть смысл, потому что он представляется мне как мир, и во мне есть смысл, потому что я отношусь к миру, я – тот, для которого мир раскрывается...” <...>. В целом «двухходовка» современности – это вера в первичность отношения перед членами отношения, вера в конститутивную силу их взаимного отношения. “Ко-” “корреляции” (“со-” “со-данности”, “со-отношения”, “со-зарождения”, “со-присутствия” и т. д.) – грамматическая частица, подчинившая себе современную философию, ее подлинная «химическая формула» [4, с. 12].

Что же побуждает Мейясу разорвать корреляционистский круг? Доисторическое. «...как мыслить смысл такого дискурса, который делает из отношения к миру (живого и/или мыслящего) факт, вписанный в темпоральность, внутри которой это отношение – всего лишь одно из событий среди других – вписано в последовательность, в которой оно является всего лишь рядовым звеном, а не началом? Закрепим словарь терминов: – мы назовем доисторической [ancestrale] такую реальность, которая предшествовала появлению человека как вида – или даже ту, которая предшествовала всем

известным формам жизни на Земле; — мы назовем архиископаемым [archifossile], или ископаемой материей, не те материалы, указывающие на следы прошедшей жизни, которые являются ископаемыми в прямом смысле, но материалы, которые указывают на существование древней реальности, или событий, предшествовавших жизни на Земле. Архиископаемое означает материальный носитель, на базе которого производятся опыты, позволяющие оценить доисторические феномены — например, изотоп, скорость радиоактивного распада которого мы знаем, или излучение звезды, которое может дать сведения о дате ее образования» [4, с. 19]

Каким же образом корреляционисты разрешают проблему архиископаемого? «Событие X произошло за столько-то лет до возникновения человека». Философ-корреляционист не будет возражать против содержания высказывания: он не будет ни спорить, что происходило именно событие X, ни оспаривать дату этого события. Нет, он добавит лишь — мысленно, может быть, но добавит — нечто вроде приписки к завещанию, маленькую пометку, всегда одинаковую, в конце фразы: событие X произошло за столько лет до появления человека — для человека (или даже: для ученого)» [4, с. 24].

Признание реалистического (материалистического) смысла высказывания о доисторическом есть его окончательный смысл, и оно невозможно для корреляциониста.

Отказ от «догматизма» предписывает философу, столкнувшемуся с доисторическим, два решения: удвоение смысла и ретроекцию.

«Ретроекция, которую корреляционист вынужден приписывать высказыванию о доисторическом, на самом деле имеет противоположный смысл, которым он распоряжается по своему усмотрению: высказывание о доисторическом имеет смысл только при условии, что его буквальный смысл будет окончательным. Если вы расщепите смысл, изобретете для высказывания более глубокий смысл, сходный с корреляцией и доходящий до противоположности реалистическому смыслу, вы упраздните смысл, а не углубите его. Мы выразим это, назвав реализм высказывания о доисторическом бесповоротным: высказывание имеет реалистический смысл, и только реалистический, или не имеет его вовсе. Поэтому последовательный корреляционист должен прекратить «вступать в сделку» с наукой, прекратить верить, что он может артикулировать два уровня смысла, не воздействуя никак на содержание научного высказывания, на истолкование которого он претендует. Невозможен компромисс между корреляцией и архиископаемым: допустив одно, мы обесмысливаем другое. Иначе говоря, последовательный корреляционист должен перестать скромничать и осмелиться громко заявить, что он в состоянии продемонстрировать ученому а priori, что его высказывания о доисторическом иллюзорны: потому что корреляционист знает, что то, что таким образом описывается, не может быть таким, каким оно описано. Теперь все обернулось так, как будто граница между трансцендентальным идеализмом (учтывым, культурным, разумным) и идеализмом спекулятивным и даже субъективным (диким, грубым и

довольно экстравагантным), граница, которую нас всех учили проводить, граница, разделяющая Канта и Беркли, — так вот, как будто эта граница сделалась неясной и стерлась в свете ископаемой материи. Перед лицом архископаемого все идеализмы сходятся и становятся одинаково экстравагантными — все корреляционизмы проявляют себя как крайние идеализмы, не способные решиться на допущение, что события материи без человека, о которых нам говорит наука, действительно могли происходить так, как они описаны» [4, с. 30–31].

Помыслить архископаемое равносильно тому, чтобы помыслить мир без мышления, мир без данности.

Рассмотрим непосредственно, как именно использует Ленин данные естественных наук о природе, существующей до человека и до возникновения жизни на Земле. Вот что пишет, кратко излагая философское содержание книги Ленина, в рецензии «Материализм и эмпириокритицизм» Л.И. Аксельрод (Ортодокс): «Эмпириокритицизм представляет по существу возрождение философии Беркли и Юма.

Провозглашая себя научной философией, соответствующей методам и задачам современного естествознания, эмпириокритическая теория познания, являясь на деле субъективным идеализмом, находится в явном противоречии к действительным основам положительной науки». Противоречие между корреляционистскими воззрениями и «действительными основами положительной науки» четко выявлена в работе Ленина, он раскрывает несовместимость современных ему корреляционистских представлений с данными естественных наук о природе, существующей до человека» [1].

Ленин выявляет ряд любопытных обстоятельств, например интерсубъективность, о которой как о корреляционистском критерии научной истины говорит Мейясу, вводится последователем Беркли Александром Фрейзером. Это необходимо, чтобы ввести критерий отличия реального от фиктивного: «Одновременное сознание различными лицами одних и тех же чувственных идей, в отличие от чисто индивидуального или личного сознания воображаемых объектов и эмоций, рассматривается здесь как доказательство реальности идей первого рода».

Отсюда видно, что субъективный идеализм Беркли нельзя понимать таким образом, будто он игнорирует различие между единоличным и коллективным восприятием. Напротив, на этом различии он пытается построить критерий реальности» [2, с. 197].

Ленин считает интерсубъективность «незаконной». Если исходить из того, что мир состоит только из ощущений субъекта, «Ибо если “праздно” “допущение” внешнего мира... то праздно и излишне, прежде всего “допущение” существования других людей. Существуют только Я, а все остальные люди, как и весь внешний мир, попадает в разряд праздных “ядер”» [2, с. 208–209]. Следует сделать вывод, что в корреляционистской парадигме и интерсубъективность необходимо воспринимать через призму корреляции.

Ленин решительно заявляет, что «координация» — это «субъективный идеализм»: «Мир есть мое ощущение; не-Я “полагается” (создается, производится) нашим Я; вещь неразрывно связана с сознанием; неразрывная координация нашего Я и среды есть эмпириокритическая принципиальная координация; — это все одно и то же положение, тот же старый хлам с немного подкрашенной или перекрашенной вывеской» [2, с. 233]. В качестве подтверждения тезиса Ленин приводит рассуждение английского философа Нормана Смита, в котором тот разбирает понятие «опыт» Авенариуса и где впервые в книге появляется «природа, существующая до человека»: «Смит, критикуя понятие опыта, который есть корреляционистское понятие, у Авенариуса в его “Философии чистого опыта” говорит, что это понятие у Авенариуса не четко определено, “...то этот термин означает того, кто испытывает; то он означает то, что испытывают <...> Эти два значения термина “опыт” на практике совпадают с его важным делением абсолютного и относительного рассмотрения <...> Ибо когда он допускает как законную ту посылку, что опыт идеально дополняется мыслью” (полное описание среды идеально дополняется мыслью о наблюдающем Я), “то он делает допущение, которое он не в состоянии соединить с его собственным утверждением, будто ничто не существует вне отношения к нашему Я (to the self). Идеальное дополнение данной реальности, которая получается из разложения материальных тел на элементы, недоступные нашим чувствам” (речь идет о материальных элементах, открытых естествознанием, об атомах, электронах и т. п., а не о тех выдуманных элементах, которые сочинены Махом и Авенариусом), “или из описания земли в такие времена, когда ни одного человеческого существа на ней не было, — это, строго говоря, не есть дополнение опыта, а дополнение того, что мы испытываем. Это дополняет лишь одно из тех звеньев координации, про которые Авенариус говорил, что они неразделимы. Это ведет нас к тому, что не только никогда не было испытано (не было объектом опыта, has not been experienced), но к тому, что никогда, никоим образом не может быть испытано существами, подобными нам. Но тут как раз на выручку Авенариусу приходит двусмысленность термина: опыт. Авенариус рассуждает, что мысль есть столь же истинная (настоящая, genuine) форма опыта, как и чувственное восприятие, а таким образом он приходит назад к старому истасканному (time-worn) аргументу субъективного идеализма, именно, что мысль и реальность неотделимы, потому что реальность может быть воспринята только в мысли, а мысль предполагает существование того, кто мыслит (корреляционистский круг). Итак, не какое-нибудь оригинальное и глубокое восстановление реализма, а просто восстановление субъективного идеализма в самой грубой (crudest) форме, — вот каков окончательный результат позитивных рассуждений Авенариуса” (р. 29)» [2, с. 235–236].

Ленин отмечает явное противоречие между корреляционистской точкой зрения и фактами естествознания. «Естествознание положительно ут-

верждает, что земля существовала в таком состоянии, когда ни человека, ни вообще какого бы то ни было живого существа на ней не было и быть не могло. Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития. Значит, не было ощущающей материи, — не было никаких “комплексов ощущений”, — никакого Я, будто бы “неразрывно” связанного со средой, по учению Авенариуса. Материя есть первичное, мысль, сознание, ощущение — продукт очень высокого развития. Такова материалистическая теория познания, на которой стихийно стоит естествознание» [2, с. 238–239].

Ленин обращает внимание на то, что представители эмпириокритицизма заметили это противоречие и попытались его разрешить. Он подробно разбирает их аргументы. Вот как он отвечает на аргумент о невозможности помыслить, что либо без мыслящего субъекта, который в случае мыслимого архиископаемого примысливает себя, то есть применяет ретроекцию, как это сейчас принято говорить. Вот как на этот тезис возражает Ленин, «Если мы “примыслим” себя, то наше присутствие будет воображаемое, а существование земли до человека есть действительное. На деле быть зрителем раскаленного, к примеру, скажем, состояния земли человек не мог, и «мыслить» его присутствие при этом есть обскурантизм, совершенно такой же, как если бы стал я защищать существование ада доводом: если бы я “примыслил” себя, как наблюдателя, то я мог бы наблюдать ад. “Примирение” эмпириокритицизма с естествознанием состоит в том, что Авенариус милостиво соглашается “примыслить” то, возможность допущения чего исключена естествознанием» [2, с. 241].

Согласно Ленину, решение проблемы архиископаемого одно: «признание того, что отображаемый нашим сознанием внешний мир существует независимо от нашего сознания» [2, с. 244].

Возможно, что несколько моих соображений по этой интереснейшей проблематике в этой статье будут допустимы.

Сознание человека не потусторонне, оно глубоко и сущностно связано с практикой производства жизни и ее условий, как об этом недвусмысленно высказывается Маркс во втором тезисе о Фейербахе. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления изолированного от практики, есть чисто схоластический вопрос» [3, с. 1]. Маркс, выдвигая тезис о предметной истинности человеческого мышления, указывает на область, где преодолевается разрыв между материей и сознанием. Мышление, изолированное от практики, схоластично, а следовательно, идеалистично, ибо замкнуто само на себя.

Сознание включено в действительность, будучи свойством живой материи, но при этом само не является материальным. Именно такая природа

сознания, как мне кажется, позволяет ему выходить «во вне», что явно обнаруживается в естественных науках, а особенно в том, что Мейясу называет «архиископаемым», а Ленин – «природой, существующей до человека». В известном смысле действительность является для сознания тем самым большим Другим, о котором так много и увлеченно рассуждают различные авторы.

Библиографический список

1. Аксельрод Л.И. Рецензия на книгу: Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Заметки об одной реакционной философии. Издание «Звено», Москва, 1909 г., стр. 438, Ц. 2 р. 60 коп. // Современный мир. 1909. № 7. С. 207–211, в отд.: «Критика и библиография». Подпись: Ортодокс. 192.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Заметки об одной реакционной философии // Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. Т. 5. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1985. 601 с.
3. Маркс Карл. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные соч.: в 9 т. Т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1985. 574 с.
4. Мейясу Квентин. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
5. Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. L.: Palgrave Macmillan, 2007.

Aleksandr V. Lashmankin

PROBLEM OF PREHISTORIC: «FOSSIL MATTER» (QUENTIN MEILLASSOUX) AND «THE NATURE EXISTING BEFORE THE HUMAN» (VLADIMIR I. LENIN)

Abstract. The article considers speculative realism or speculative materialism, as Quentin Meillassoux, one of the philosophers whose work has shaped this new direction, calls his views. One can see the similarity between Meillassoux criticism of correlationism in the «Après la finitude» and Lenin's criticism of the principle coordination in «Materialism and Empirio-Criticism». It is easy to see that the general basis of thought for Meillassoux and Lenin is the problem of nature existing before man.

Key words: materialism, idealism, fideism, correlationism, coordination, idealism, solipsism.